

ПОСЛАНИЕ КУРБСКАГО

ПОСЛАНИЕ КУРБСКОГО

Царю, от Бога препрославленому, паче же во православии пресвѣтлу явльшуся, ныне же грѣх ради наших сопротивне обрѣтесе,^[1] разумеваа да разумѣет, совесть прокаженну имуща, якова же ни в безбожных языцех обретается. И болши сего о сем глаголати вся по ряду не попустих языку моему, но гонения ради прегорчайшаго от державы твояе и ото многиа горести сердца поуцаюся мало изрещи ти.

Царю, Богом препрославленному и более того — среди православных пресветлым явившемуся, ныне же — за грехи наши — ставшему супротивным (пусть понимает разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более <сказанного> говорить об этом всё по порядку запретил я языку моему, но из-за притеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного дерзну сказать тебе, <хотя бы> немногое.

Про что, царю, сильных во Израили побил еси, и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертми разторгнул еси,^[2] и побѣдоносную святую кровь их въ церквах Божиях пролиал еси, и мученическими кровми праги церковныя обагрил еси,^[3] и на доброхотных твоих, душа своя за тя полагающих,^[4] неслыхованные от вѣка муки, и смерти, и гонения умыслил еси,^[5] измѣнами, и чародѣйствы, и иными неподобными облыгаа православных^[6] и тщася со усердиемъ свѣт во тму преложити, и тму в свѣт, и сладкое горко прозвати, и горкое сладко?^[7] А что провинили пред тобою и чем прогнѣваша ты христианстии предстатели?^[8] Не прегордыя ли царства разорили и подручны во всем тебѣ их сотворили,^[9] у нихже преже в работѣ были праотцы наши?^[10] Не претвердыя ли грады германския тщанием разума их от Бога тебѣ даны быша?^[11] Сия ли нам, бѣдным, воздал еси, всеродно погубляя нас?^[12] Или безсмертен, царю, мнишися и в небытную ересь прелщен еси, аки не хотя уже предстати неумытному Судии^[13] и надежде христианстей, богоначальному Иисусу, хотящему судити вселенней в правду,^[14] паче же не обинуяся прегордым гонителем, и хотяще я истязати до влас прегрешения их, якоже словеса глаголют?^[15] Онъ есть Христос мой, седяй на престоле херувимсте одесную Силы величества въ превысоких,^[16] — судитель между тобою и мною.

Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих пролил, и кровью мученическою обагрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, оболгав православных в изменах и чародействе и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и

сладкое назвать горьким, а горькое сладким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя заступники христианские? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, у которых прежде в рабстве были предки наши? Не отданы ли тебе Богом крепчайшие крепости немецкие благодаря мудрости их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не предстоит тебе предстать пред неподкупным судьей и надеждой христианской, богочинальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не минует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их, как вещают <божественные> слова? Это он, Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, — судия между тобой и мной.

И коего зла и гонения от тебе не претерпѣх! И коих бѣд и напастей на мя не подвигнул еси! Коих лжей и измѣн на мя не возвел еси! А вся приключившаа ми ся от тебе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи, понеже горестию еще душа моя объята бысть. Но вкупе вся реку конечно: всего лишен бых и от земля Божия туне тобою отогнан есмь. [17] И за благаа моя воздал ми еси злаа, и за возлюбление мое — непримирительную ненавѣсть. [18] Кровь моя, яко вода пролита за тя, вопиет на тя Богу моему. [19] Богъ — сердцам зритель: во умѣ моем прилѣжне смыслях, и совѣсть мою свѣдѣтеля представлях, и исках, и зрѣх, *смышленно* обращаася, и не свѣм себе, и не наидох в чем пред тобою виновата и согрешивша. [20] Пред войском твоим хождах и исхождах, и никоегоже *тебѣ бещестиа* не приведох, но развѣ побѣды пресвѣтлы помощью аггела Господня въ славу твою поставлях и никогдаже полков твоих чюжим *полкомъ хребтом* обратих, но паче одолѣнна преславнаа на похвалу тебѣ сотворях. И сие не во едином лѣте, ни во двою, но во многих лѣтех *потрудихся* многими поты и терпѣнием, [21] яко мало и рожшеа мя зрѣх, [22] и жены моя не познах, [23] и отечества своего остах, но всегда *в далних и околных* градѣх твоих против врагов твоих ополчахся и претерпевах естественныя болѣзни, имже Господь мой Исус Христос свѣдѣтель; паче же *учащаем* бых ранами от варварских рук в различных битвах, сокрушено же ранами все тѣло мое имѣю. [24] И тебѣ, царю, вся сиа ни во что же бысть.

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем еще объята душа моя. Но под конец обо всем вместе скажу: всего лишен был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро мое и за любовь мою непримиримой ненавистью. Кровь моя, словно вода, пролитая за тебя, вопиет против тебя перед Богом моим. Бог читает в сердцах: я в уме своем постоянно размышлял, и совесть свою брал в свидетели, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел — в чем же я перед тобой виноват и согрешил. Полки твои водил и выступал с ними и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела Господня одерживал для твоей славы и никогда полков твоих не обратил спиной к чужим полкам, а, напротив, преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в

течение многих лет неустанно и терпеливо трудился в поте лица своего, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым Господь мой Иисус Христос свидетель; особенно много ран получил от варваров в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет.

Но хотѣхъ рещи вся по ряду ратныхъ дѣла моя, ихже сотворихъ на похвалу твою, но сего ради не изрекохъ, занеже лутче Богъ вѣсть. Он бо есть всѣмъ симъ мздовоздаатель, и не токмо сим, но и за чашу студеныя воды.^[25] Еще, царю, сказую ти к тому: уже не узриши лица моего до дни Страшнаго суда.^[26] И не мни мене молчаща ти о сем: до дни скончания живота моего буду непрестанно вопити на тя со слезами предъ безначальной Троицею, в неяже вѣрую, и призываю в помощь херувимскаго Владыки Матерь, надежду мою и заступницу Владычицу Богородицу, и всѣхъ святыхъ, избранныхъ Божиихъ, и государя моего князя Федора Ростиславича.^[27]

Хотел перечислить по порядку все ратные подвиги мои, которые совершил я во славу твою, но потому не называю <их>, что Бог их <еще> лучше ведает. Он ведь за все это воздаст, и не только за это, но и за чашу воды студеной. И еще, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что буду я молчать обо всем: до последнего дня жизни моей буду беспрестанно со слезами обличать тебя перед безначальной Троицей, в которую я верую, и призываю на помощь херувимского Владыки Мать — надежду мою и заступницу, Владычицу Богородицу, и всех святых, избранных Божьих, и государя моего князя Федора Ростиславича.

Царю, не помышляй и не мудръствуй мыслями, аки уже погибшихъ и избивенныхъ от тебе неповинно и заточенныхъ, и прогнанныхъ без правды.^[28] Не радуйся о сем, аки хваляся сим: разсѣченныя тобою у престола *предстоятъ* Владычнѣя; отомщениа на тя просятъ, заточенныя же и прогнанныя тобою без правды от земля Богу вопиютъ на тя день и ночь!^[29] Аще и тмами хвалишися в гордости своей и при временномъ сем скоротекущемъ вѣце умышляеши на христианский род мучительныя сосуды, паче же *наругаешися*, попирающе аггелский образъ,^[30] согласующимъ ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, бесогласнымъ твоимъ боляромъ и губителемъ души твоей и тѣлу, и детми своими паче же Кроновыхъ жерцовъ дѣйствуютъ.^[31] О семъ даже до здѣ.

Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своем, что мы уже погибли и истреблены тобою без вины и заточены и изгнаны несправедливо. Не радуйся этому, словно похваляясь этим: казненные тобой у престола Господня стоят, взывают об отомщении тебе, заточенные же и несправедливо изгнанные тобой из страны взывают день и ночь к Богу, обличая тебя. Хотя и похваляешься ты постоянно в гордыне своей в этой временной и скоропреходящей жизни, измышляешь на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских, единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, превзойдя в этом жрецов Крона. И обо всем этом здесь кончаю.

А сие писание, слезами измочено, во гроб велью с собою положити, грядущи ми на суд с тобою Бога моего Иисуса. Аминь.

А письмо это, слезами омоченное, во гроб с собою прикажу положить, перед тем как идти с тобой на суд Бога моего Иисуса. Аминь.

Писано во граде Волмъре^[32] государя моего Августа Жигимонта короля, от негоже надѣюся много пожалован быти и утѣшен ото всѣх скорбей моих милостию его государьскою^[33], паче же ми Богу помогающу.

Писано в городе Волмере, <владении> государя моего короля Сигизмунда Августа, от которого надеюсь быть пожалован и утешен во всех печалях моих милостью его государевой, а особенно помощью Божьей.

И слышах от священных писаний, хотяща от диавола пущена быти на род христианский губителя, от блуда зачатого богоборнаго Антихриста,^[34] видѣх же ныне синглита, всѣм вѣдома, яко от преблужения рожен есть, иже днесь шепчет во уши царю ложнаа и льет кровь христианску, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили, аки соглагольник дѣлом Антихристу^[35]: не пригоже таким потакати,^[36] о царю! В законе Господни первом писано: «Моавитин, и аманитин, и выблядок до десяти родов во церковь Божию не входит»,^[37] и прочаа.

Знаю я из Священного Писания, что будет дьяволом послан на род христианский губитель, в блуде зачатый богоборец Антихрист, и ныне вижу советника <твоего> всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который сегодня шепчет в уши царские ложь и проливает кровь христианскую, словно воду, и погубил уже <стольких> сильных в Израиле, по делам своим <он подобен> Антихристу: не пристало тебе, царь, таким потакать! В законе Божьем в первом написано: «Моавитянин и аммонитянин и незаконнорожденный до десятого колена в церковь Божию не входит» и прочая.

[1] ...во православии пресвѣтлу явльшюся, ныне же грѣх ради наших сопротивне обрѣтесе... — Курбский здесь имеет в виду отступление царя Ивана IV от истинного благочестия, в которое он был обращен ранее стараниями своего духовника благовещенского священника Сильвестра, митрополита Московского Макария и других «предобрыхъ и преподобных мужей, презвитерством почтенных» (см. наст. изд.). Упоминая, что царь явился «пресвѣтлым» «во православии», Курбский, по всей вероятности, намекает на большую роль Ивана IV в деле созыва церковного Стоглавого собора и проведении церковных реформ в годы его благочестивого правления совместно с так называемой «Избранной радой». На заседаниях этого собора в январе—феврале 1551 г. церковными иерархами были заслушаны и рассмотрены царские вопросы, которые содержали широкую программу церковных преобразований, направленных на укрепление церковного благочиния и христианского благочестия. На основе данных царских вопросов участники собора приняли постановления, строго регламентирующие церковно-монастырскую жизнь, богослужение и христианскую нравственность русского общества. Отступление царя Ивана от соблюдения ряда постановлений Стоглавого собора после смерти царицы Анастасии и падения «Избранной рады» Курбским рассматривалось как измена православию. Такое обвинение Ивана IV в измене его первоначальному «пресветлому православию» вызвало наибольшее возмущение царя, настаивавшего на том, что именно он сохранил верность «пресветлому православию» начала своего правления (времени Стоглавого собора).

[2] ...силных во Израили побил еси, и воевод... различными смертми разторгнул еси... — Имеются в виду виднейшие сподвижники и воеводы Ивана IV первых лет его царствования, подвергшиеся

различным опалам и казням по приказу царя. Употребление наименования «Израиль» по отношению к России было связано с идеей «богоизбранности» православной Руси, популярной среди публицистов XV—XVI вв.

[3] *...кровь их во церквах Божиях пролиал еси, и мученическими кровми праги церковныя обагрил еси...* — В ночь с 30 на 31 января 1564 г. были убиты князь М. П. Репнин-Оболенский в церкви «близу самого алтаря» и князь Ю. И. Кашин-Оболенский «на самом празе церковном» (см. наст. изд.). Оба убитых князя были видными боярами Ивана IV и постоянно участвовали как воеводы в военных сражениях времени Ивана IV, в том числе в победоносном походе на Казань в 1552 г.

[4] *...душа своя за тя полагающих...* — Здесь Курбский намекает на известный евангельский текст: «Больши сее любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13).

[5] *...неслыхованные от вѣка муки, и смерти, и гонения умыслил еси...* — Речь идет о многочисленных казнях и гонениях, последовавших за внезапной смертью главы правительства царя Ивана IV окольникового А. Ф. Адашева в декабре 1560 г. Эти казни и гонения Курбский впоследствии красочно описал в своей «Истории» (см. наст. изд. и коммент. к нему).

[6] *...измѣнами, и чародѣйствы, и иными неподобными облыгаа православных...* — Обвинение в измене служило одной из основных форм обвинений, выдвигаемых против опальных Ивана Грозного. Наряду со стандартными обвинениями подданных в измене при Иване IV опальным вменялось чародейство, то есть колдовство. Царь Иван в ответном послании Курбскому писал: «...а еже о измѣнах и чародѣйстве вспомянул еси, — ино таких собак везде казнят» (см. наст. изд., с. 38). Из «Истории» Курбского можно узнать, что до побега князя Андрея из России и до написания им Первого послания Ивану IV с помощью предъявленного обвинения в колдовстве была оклеветана и казнена перешедшая в православие из католичества полька Мария по прозвищу Магдалина, близкая к А. Ф. Адашеву (см. наст. изд.). Других подобных случаев Курбский в своей «Истории» не приводит, но они наверняка имели место в российской действительности, поскольку царь Иван не опроверг этого обвинения в своем ответном Послании Курбскому, а, напротив, как бы подтвердил (см. текст вышеприведенной цитаты из Послания царя в наст. коммент.).

[7] *...тщася со усердиемъ свѣтъ въ тму преложити, и тму в свѣтъ, и сладкое горко прозвати, и горкое сладко?* — Данный текст Курбского так или иначе восходит к библейской книге пророка Исайи, где читается: «Горе... полагающим тму свѣтъ и свѣтъ тму, полагающим горкое сладко, а сладкое горко» (Ис. 5, 20), однако порядок риторических противопоставлений и повторов в публикуемом списке Послания Курбского царю Ивану иной, чем в библейском тексте. Точно такой же порядок риторических противопоставлений и повторов, как отметил Б. Н. Морозов, имеется в списке *ОИДР*, № 197, а также в списке *РНБ*, Основное собр., Q. IV, № 280. Во всех других известных нам сейчас списках Послания Курбского Ивану Грозному первой редакции слова «и тму в свѣтъ» и «горкое сладко» опущены (см.: Морозов Б. Н. 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике... С. 286; 2) Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке... С. 485). Указанный текст пророка Исайи Курбский употребил также в послании польскому шляхтичу Кодияну Чапличу, написанном 21 марта 1575 г. (см. наст. изд.; см. также: Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 239). Порядок риторических противопоставлений и повторов в этом эпистолярном сочинении Курбского полностью совпадает с порядком риторических противопоставлений и повторов в публикуемом списке Послания Курбского царю и списках *ОИДР*, № 197 и Q. IV, № 280 (см. об этом: Морозов Б. Н. 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике... С. 286). Можно в этой связи полагать, что комментируемый пассаж в публикуемом списке и в списках *ОИДР*, № 197 и Q. IV, № 280 ближе к архетипу, чем в других списках. Отличия текста в посланиях Курбского к царю и к Кодияну Чапличу от библейского пророческого текста объясняются тем, что Курбский цитировал этот текст по памяти в обоих случаях. Курбский включил указанный выше текст в Послание, очевидно, с намеком на то, что царя Ивана в свете этого пророческого высказывания ждет неминуемое горе.

[8] *...христианстии предстатели?* — Слово «предстатели» употреблено здесь Курбским в значении христианских защитников, или воинов, сражающихся в первых рядах против врагов.

[9] *Не прегордыя ли царства разорили и подручны во всем тебѣ их сотворили...* — Речь идет об успешном завоевании при Иване IV русскими войсками татарских Казанского и Астраханского ханств соответственно в 1552 и 1556 гг.

[10] *...у нихже прежде в работѣ были праотцы наши?* — Слово «работа» в данном случае означает «рабство», «неволя», «подчинение». В комментируемом тексте Курбский имеет в виду, что в результате постоянных набегов на Русь военных отрядов казанских и крымских татар многие тысячи

русских людей с давних времен захватывались в плен, а затем использовались или продавались в рабство на восточных невольничьих рынках (см.: *Шmidt С. О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1954. Т. 6. С. 220 и др.).

[11] *Не претвердыя ли грады германския... тебѣ даны быша?* — Речь идет об успешном завоевании русскими войсками ряда ливонских укрепленных городов («претвердых градов») в первые годы Ливонской войны.

[12] *...всеродно погубляя нас?* — Под всеродным погублением Курбский имел в виду опалы и казни представителей класса феодалов вместе со всем семейством или родом, включая свойственников. Опала главы «Избранной рады» окольничего А. Ф. Адашева в 1560 г. привела к опалам и казням многих его родичей и близких к нему лиц. Брат главы «Рады» воевода Д. Ф. Адашев вместе со своим малолетним сыном Тархом и тестем П. И. Туровым, братья Сатины, бывшие в свойстве с А. Ф. Адашевым через его жену Анастасию, урожденную Сатину, родственник Адашевых воевода И. Ф. Шишкин вместе со своей женой и детьми и другие родичи и свойственники Адашевых погибли в числе первых жертв царского террора накануне введения опричнины (см. наст. изд. и коммент. к нему). Всеродному погублению подвергся и род ведущего деятеля «Избранной рады» воеводы боярина князя Д. И. Курлятева-Оболенского. В октябре 1562 г. Иван Грозный, по свидетельству Курбского и других источников, насильно приказал постричь в монахи князя Дмитрия вместе со всем его семейством — женой и детьми. Курбский расценивал это пострижение как «неслыханное беззаконие» (см. наст. изд., а также *ПСРЛ*. М., 1965. Т. 29. С. 301). В годы опричнины Ивана Грозного всеродное погубление семей опальных стало своеобразной «нормой» террористической политики царя, и Курбский как бы пророчески предсказал в своем Послании 1564 г. массовые казни и опалы знати в опричные времена.

[13] *...неумытному Судии...* — «Неумытный» — значит «неподкупный». Выражение «неумытный Судия» многократно используется в целом ряде оригинальных и переводных сочинений Максима Грека, и поэтому оно, возможно, восходит к ним. Как известно, Курбский всегда считал этого ученого монаха и писателя своим «превозлюбленным» духовным «учителем» и постоянно читал его сочинения. Сборник сочинений Максима Грека находился в распоряжении князя Андрея даже во время его пребывания на наместничестве в Юрьеве (см.: *РИБ*. Т. 31. Стб. 495).

[14] *...хотящему судити вселенней в правду...* — Данный пассаж восходит к библейским текстам (ср. Деян. 17, 31; Пс. 9, 8—9; 95, 13; 97, 9).

[15] *...не обинуяся... истязати до влас прегрешения их, якоже словеса глаголют?* — Ср. Пс. 67, 22.

[16] *...седяи на престоле херувимсте одесную Силы величества въ превысоких...* — Ср. Евр. 1, 3; 8, 1. Сходный текст содержится и в переводе Максима Грека данного апостольского послания, он же с небольшой вариацией использован Максимом Греком и в его «Исповедании православной веры» (см. об этом: *Рыков Ю. Д.* К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV. С. 239—240).

[17] *...И коего зла и гонения от тебе не претерпѣх!... и от земля Божия туне тобою отогнан есмь.* — Уже после неудачного сражения под Невелем в 1562 г. Курбский (который был ранен) вызвал недовольство царя и в конце 1562 — начале 1563 г. был назначен наместником в Юрьев Ливонский (ныне Тарту), что означало ссылку, аналогичную той, которой был подвергнут ранее глава «Избранной рады» А. Ф. Адашев (направленный незадолго до смерти наместником в Феллин (Вильян, ныне Вильянди)). Посылку боярина М. Я. Морозова на Юрьевское наместничество в 1564 г. сподвижники Курбского Т. Тетерин и М. Сарыхозин также рассматривали как наказание в своем письме к М. Я. Морозову, написанном в Вольмаре, вероятно при участии Курбского (см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 47—48). О своих бедах и напастях Курбский упоминал несколько ранее также в своем Первом послании старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, написанном в Юрьеве еще до побега: «...паки напасти и бѣды от Вавилона (т. е. Ивана IV) на нас кипети многи начинают» (см. наст. изд.). Наличие многих «изменных дел» у Курбского признавал и сам царь Иван, что нашло отражение в его переписке с Курбским и в памятниках дипломатических отношений России с Польшей. В Послании 1564 г. Иван Грозный отрицал свое намерение казнить Курбского, заявляя, что тот бежал, убоившись ложного «отречения смертнаго», которое он получил от своих друзей «злодѣйственным солганием» их. Вместе с тем царь признавал, что был сильно недоволен Курбским и разгневан на него. Курбский в своем Третьем послании к царю писал: «Аще ли же кто прелютаго ради гонения не бегае, аки бы сам себе убийца». Основания у Курбского были, конечно, не беспочвенные: в 1579 г. Иван Грозный в послании к Стефану Баторию

без всяких обиняков написал, что Курбский «нас израдил, что хотел нашей смерти, и мы ево сыскавъ изради, хотѣли ево казнити» (см. наст. изд.).

[18] Стр. 16. *И за благаа моя воздал ми еси злая, и за возлюбление мое — непримирительную ненависть.* — Ср. Пс. 108, 3—5; 37, 20—21; 34, 12; Быт. 44, 4; Иерем. 18, 20. Порядок слов комментируемого пассажа точно соответствует порядку слов пассажа лишь в списке *ОИДР*, № 197 и в списке Q. IV, № 280, во всех других известных списках Первого послания Курбского 1-й редакции порядок слов в этом тексте иной (см.: *Морозов Б. Н.* 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике... С. 285—286; 2) Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке... С. 485). Текст «За благая моя воздал ми злая и за возлюбление мое — непримирительну ненависть» читается также и в Послании («Жалобе») каменец-подольского монаха Исаяи его недругу греческому митрополиту Иоасафу, близость этого текста к пассажиру списка Послания Курбского из собрания *ОИДР*, № 197 американский ученый Э. Кинан считал одним из основных доказательств близости списка *ОИДР*, № 197 к архетипу послания Курбского (см.: *Keenan E. L. The Kurbskii—Groznyi Aposypha. The Seventeenth — Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971. P. 28—29, 154*). Публикуемый здесь новый, самый ранний список Послания Курбского свидетельствует в пользу мнения Э. Кинана. Установленная этим ученым текстологическая взаимосвязь данных пассажей у Курбского и у инока Исаяи несомненна. Тексты Послания Курбского и «Жалобы» Исаяи, помимо общего порядка слов в данном пассаже, сближает друг с другом и наличие общего для них эпитета «непримирительную» перед словом «ненависть», ибо этого эпитета в сходном библейском тексте нет.

[19] *Кровь моя, яко вода пролита за тя, вопиет на тя Богу моему.* — Ср. Быт. 4, 9; Пс. 78, 3. Близкий к данному пассажиру текст обнаруживается вновь в «Жалобе» каменец-подольского монаха Исаяи (см.: *Keenan E. L. The Kurbskii—Groznyi Aposypha. P. 28—29, 154*), однако если Курбский имел все надлежащие основания писать в своем Послании к царю о пролитой им крови, то инок Исаяя, очевидно, не мог так писать, и это обстоятельство, как справедливо отмечено в научной литературе, говорит о явной вторичности текста «Жалобы» Исаяи по сравнению с Посланием Курбского (см.: *Андреев Н. Е. Мнимая тема. О спекуляциях Э. Кинана // Новый журнал (The New Review). Нью-Йорк, 1972. № 109. С. 270—271*).

[20] *Богъ — сердцам зритель: во умъ моем прилъжне смышлях... и не наидох в чем пред тобою виновата и согрешивша.* — Выражение «Богъ — сердцам зритель» восходит к библейскому тексту (ср. 1 Цар. 16, 7). Сходное с текстом Послания Курбского выражение имеется в вольмарском письме Т. Тетерина и М. Сарыхозина боярину М. Я. Морозову: «...и в том, государь, сердцам зритель волен Бог. Он бо есть зрит всех вину и правость сердечную» (Послания Ивана Грозного. С. 537). Отражение библейского текста можно найти и в сочинениях известного русского публициста XVI в. игумена Иосифа Волоцкого, который в одном из своих посланий писал, что «страшное и всевидящее око небесного царя всех человек сердца зрит и помышления веси» (Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текстов А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 184). Э. Кинан отметил наличие подобного пассажа и в «Жалобе» каменец-подольского инока Исаяи, текстологически вполне совпадающего с указанным выше текстом Курбского (*Keenan E. L. The Kurbskii—Groznyi Aposypha. P. 28—29*). Имеющееся в комментируемом пассаже Послания Курбского чтение «пред тобою» более логично и последовательно, судя по контексту, чем чтение «перед ним», имеющееся у Исаяи (см.: *Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному... С. 190*). Вместе с тем следует отметить, что в комментируемом пассаже Послания Курбского выражение «виновата и согрешивша» не находится в других известных списках этого Послания. Исключение представляет лишь список Q. IV, № 280, где это чтение имеется, и список *ОИДР*, № 197, где это чтение передано как «виновата и согрешався» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 353. Л. 6 об., разночт. р). Все это вновь говорит об особой близости публикуемого списка со списком *ОИДР*, № 197 и списком Q. IV, № 280 (пример не отмечен Б. Н. Морозовым). В «Жалобе» каменец-подольского монаха Исаяи со словом Послания Курбского «виновата» корреспондируется слово «повинен» (см.: *Абрамович Д. И. К литературной деятельности мниха камянчанина Исаяи // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1913. Вып. 181. С. 7*). Из данного примера вновь видна первичность публикуемого текста Послания Курбского, равным образом как и текстов списка *ОИДР*, № 197 и списка Q. IV, № 280.

[21] *Пред войском твоим хождах и исхождах... потрудихся многими поты и терпѣнием...* — Курбский с раннего возраста находился на военной службе. В 1549 г. он — участник похода на Казань в звании есаула, а 13 августа 1550 г. он назначается воеводой в Пронск. С этих времен Курбский постоянно несет ратную службу в воеводских чинах. Подробное и яркое освещение своей

военной деятельности во время победоносного похода на Казанское ханство в 1552 г. и в начальный период Ливонской войны кн. Андрей оставил на страницах своей «Истории» (см. наст. изд.).

[22] *...яко мало и рожшеа мя зрѣх...* — Речь идет о матери князя Андрея Курбского, которая была дочерью окольного М. В. Тучкова, получившего незадолго до января 1533 г. боярский чин (см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 240). После бегства князя Андрея в Литву его мать была брошена Иваном Грозным в тюрьму, где и скончалась. Мать Курбского находилась в родстве с царицей Анастасией Романовной. См. об этом коммент. к Третьему посланию Курбского Ивану Грозному (наст. изд.).

[23] *...и жены моя не познах...* — Речь идет о первой жене князя Андрея Курбского княгине Евфросинье Курбской. В брак с князем Андреем Курбским она вступила, очевидно, около 1553 г. Имела от Курбского малолетнего сына, неизвестного нам по имени. Во время пребывания Курбского на Юрьевском наместничестве княгиня Евфросинья находилась в Ливонии. Сохранился легендарный рассказ Латухинской Степенной книги, как князь Андрей накануне своего побега из Юрьева приходил прощаться с женой (см.: Устрялов Н. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. XV). Курбский не взял свою жену с собой, очевидно, по причине ее беременности, о чем нам известно из сообщений ливонского хрониста Ф. Ниенштедта (см.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 4. С. 36). По словам немца-опричника Г. Штадена, Курбский бежал в Литву к королю Сигизмунду-Августу, предварительно пристроив свою жену и детей (см.: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. И. И. Полосина. Л., 1925. С. 87). После бегства Курбского за рубеж княгиня Евфросинья вместе с малолетним сыном и свекровью были брошены Иваном Грозным в темницу, где они и скончались (см. наст. изд.). Имя княгини Евфросиньи Курбской было записано в кормовые книги ярославского Спасо-Преображенского монастыря, где по ней монахами два раза в год устраивался «корм» — 10 июня «на ея преставление» и 19 июня, очевидно на день рождения (см.: Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Дополнение. Кормовая книга. М., 1896. С. 25).

[24] *...учащаем бых ранами от варварских рук в различных битвах, сокрушено же ранами все тѣло мое имѣю.* — Показания Курбского о своих многочисленных ранениях во время различных боевых сражений подтверждаются историческими источниками. Одно из ранений Курбский получил в сражении под Тулой с войсками крымских татар в июне 1552 г., когда ему были нанесены тяжелые ранения в голову и другие части тела. Другое весьма серьезное ранение Курбский получил во время штурма Казани 2 октября 1552 г., когда он, сильно порубленный татарскими саблями, свалился в беспмятстве на землю вместе со своим боевым конем (см.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 203, а также наст. изд.). Еще одно известное ранение Курбского произошло под Невелем в 1562 г. во время сражения с поляками (см. наст. изд.). Возможно, Курбский получал ранения и в других военных сражениях.

[25] *...встѣм симъ мздовоздаатель, и не токмо сим, но и за чашу студеныя воды.* — Курбский имеет в виду слова из Евангелия (Мф. 10, 42) о том, что тот, кто совершит хотя бы малое дело — напоит кого-либо «чашей студеной воды», не останется без «мзды» (награды); поэтому и он надеется получить награду от Бога за свои «ратные дѣла». Данный евангельский сюжет о воздаянии Богом мзды даже за чашу студеной воды Курбский позднее использовал и в своей «Истории о великом князе Московском», где он, говоря о «новоизбиенных мучениках» Ивана Грозного замечал: «Едва ли Христось не воздасть им и не украсит венцы мученическими таковых, яже обѣщал и за чашу студеныя воды отдати мзду?» (см. наст. изд.). Употребленный Курбским в комментируемом пассаже термин «мздовоздаатель» восходит к апостольскому тексту, где сказано, что Христос верующим в него «и взыскающим его мздовоздаатель бывает» (Евр. II, 6). Параллели к слову «мздовоздаатель» находятся также и в Апокалипсисе Иоанна Богослова (см. Апок. 22, 12). Современник и учитель Курбского Максим Грек в своих сочинениях называл Христа «богачейшим мздовоздавателем» (см.: Сочинения Максима Грека. Казань, 1859. Ч. 2. С. 411). Тема евангельского сюжета о мздовоздаянии и о чаше студеной воды находит свое заметное отражение и в словах Иоанна Златоуста, в том числе в тех, которые были помещены в составе «Книги, глаголемой Райской», полученной Курбским от старца Псково-Печерского монастыря Вассиана Муромцева по прибытии своем в Юрьев Ливонский на наместническую службу в 1563 г. (см.: Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 25). Таким образом, Курбский мог усвоить данную тему о «мздовоздателе» Христе и о «чаше студеной воды» из самых разных источников, в том числе и из библейских, что в целом характерно для его литературной манеры. Американский ученый Э. Кинан обнаружил интересные текстологические

параллели между Посланием Курбского и «Плачем» каменец-подольского монаха Исаяи в указанном выше пассаже. Исходя из несомненного сходства этих текстов, Э. Кинан заключил, что Послание Курбского имело своим источником текст «Плача» Исаяи, написанного в 1566 г., и это обстоятельство делает датировку Послания Курбского 1564 г. невозможной (См.: Keenan E. L. *Kurbskii—Groznyi Aposypha*. P. 22—26, 197, n. 16). Вопреки мнению некоторых авторов, текст Курбского в комментируемом пассаже более последователен и понятен, чем в «Плаче» Исаяи. Курбский надеется получить мзду за свои ратные дела. Заточенный в Ростовскую тюрьму каменец-подольский монах также надеется получить мзду, но контекст у него совершенно другой. Исаяя пишет в своем «Плаче»: «Чаю смерть, безсмертие помышляю. Узрю ли спекуляторский меч, небо вмению, и всим сим мздовоздател Христос, истинный Бог наш, и не токмо сим, но и за чашу студеной воды: воспомяни убо всех, благоугодивших Богу, коим образом уллучиша спасение...» (см.: *Абрамович Д. И.* К литературной деятельности мниха камянчанина Исаяи. С. 7). Смысл текста у Исаяи, несомненно, есть, но он не такой ясный и понятный, как у Курбского. Одним из вероятных пониманий данного текста является то, что заключенный в тюрьме Исаяя в предсмертном ожидании помышляет о бессмертии и склонен считать грядущий меч палача равноценным залогом получения спасения на небе. Итак, контекст вышеуказанного пассажа в «Плаче» Исаяи совершенно иной и не такой ясный, как у Курбского в Послании, и поэтому очевидно, что данный текст Исаяи не мог быть литературным источником для Курбского. Литературных источников у Курбского было достаточно и без «Плача» Исаяи.

[26] *...до дни Страшнаго суда...* — Страшный суд — по христианскому вероучению, суд над живыми и мертвыми людьми, который произойдет после конца света во время Второго пришествия Сына Божьего Иисуса Христа. После этого суда праведники получат вечную жизнь на небесах, а грешники будут осуждены на вечные муки в аду (см.: Мф. 25, 31—46; Ин. 5, 28—29).

[27] *...князя Федора Ростиславича...* — Имеется в виду предок князя А. М. Курбского смоленский князь Федор Ростиславич, получивший в приданое Ярославское княжество в 1294 г. В 1463 г. этот князь был канонизирован ярославскими князьями и церковью как святой. Впоследствии, когда Ярославское княжество вошло в состав Русского централизованного государства, князь Федор Ростиславич стал общерусским святым.

[28] *...погибших и избивенных от тебе неповинно и заточенных и прогнанных без правды.* — Речь вновь идет о начавшихся после падения «Избранной рады» беззаконных опалах и казнях Ивана Грозного, не опирающихся на судебное разбирательство, основанное на «правде», т. е. законе.

[29] *...разсѣченыя тобою у престола предстоят Владычня, отомщениа на тя просят... Богу вопиют на тя день и ночь!* — Курбский использует здесь библейские тексты, намекая царю Ивану IV на суровое Божье возмездие, которое неминуемо ждет мучителей за пролитую кровь и чинимые беззакония (ср. Лк. 18, 6—8; Вт. 32, 43; Апок. 6, 9; Пс. 9, 13; 17, 48; 37, 20; 57, 11; 78, 10 и др.; см. об этом: *Рыков Ю. Д.* К вопросу об источниках ... С. 239). В рукописи над строкой над словом «Владычня» написано «Господня».

[30] *...попирायущи аггелский образ...* — «Ангельским образом» в России с давних времен аллегорически именовалось монашество. Курбский здесь имеет в виду, по всей вероятности, насильственное пострижение в монахи по приказу Ивана IV таких лиц, как боярин князь Д. И. Курлятев, члены его семьи и стрелецкий голова Т. И. Тетерин; насильственное пострижение в монахи противоречило принципу добровольного принятия иноческого чина (см. наст. изд. и коммент. к нему).

[31] *...детми своими паче же Кроновых жерцов дѣйствуют.* — Кронос — согласно греческой мифологии, кровожадный титан, пожиравший своих детей. Был отцом верховного олимпийского божества Зевса. «Кроновы жерцы» — это служители Кроноса. В комментируемом пассаже речь, очевидно, идет о новых царских приближенных, которые с помощью своих детей губят тело и душу царя. Одним из таких «губителей» являлся, очевидно, влиятельный боярин А. Д. Басманов, сын которого Федор состоял в противоестественных любовных связях с царем, благодаря чему Федор обладал возможностью подводить «всех под гнев тирана» (см.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга / Пер. А. И. Малеина. Л., 1934. С. 17; ср. Гваньини Александр. Описание Московии / Пер. с лат., вводная статья и коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 97; *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного. С. 96). Одной из жертв любимого царем Ф. А. Басманова стал молодой воевода князь Д. Ф. Овчинин, происходивший из знатного боярского рода князей Оболенских. Этот князь был задушен псарями Ивана IV за то, что он «среди ссор и брани с Федором, сыном Басмана ... попрекнул его нечестным деянием» (Новое известие о России времени

Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга. С. 17; ср.: *Гваньини Александр*. Описание Московии. С. 97).

[32] *Писано во граде Волмъре...* — Вольмер, или Вольмар (ныне Валмиера в Латвии) — город в Ливонии, который вместе с территорией Ливонии в 1561 г. перешел под власть Польши. В Вольмере Курбский находился начиная с первых чисел мая 1564 г., после своего побега из Юрьева ночью 30 апреля 1564 г.

[33] *...государя моего Августа Жигимонта короля, от негоже надѣюся много пожалован быти... милостию его государьскою...* — Август Жигимонт — польский король Сигизмунд II Август (1520—1571), с 1548 г. являвшийся также и великим князем Литовским. Активно участвовал в борьбе за Прибалтику в ходе Ливонской войны, добился перехода Ливонии под протекторат Польши и Литвы. Сыграл важную роль в заключении Люблинской унии 1569 г., приведшей к образованию единого Польско-Литовского государства — Речи Посполитой. Был последним представителем правившей в Польше династии Ягеллонов. «Надежда» Курбского на богатое пожалование его королем Сигизмундом II Августом «милостию его государьскою» была отнюдь не беспочвенной. Как установлено исследователями, Курбский еще до побега вступил в тайную переписку с витебским воеводой князем Н. Ю. Радзивиллом и подканцлером Е. Воловичем. После получения согласия Курбского перейти на службу к королю Сигизмунду II Августу литовский гетман князь Н. Ю. Радзивилл прислал Курбскому грамоту с обещаниями приличного содержания его в Литве, вслед за этим была отправлена Курбскому и королевская грамота с обещанием пожалования ему земель (см. подробнее: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 183—185). Уже 4 июля 1564 г. король Сигизмунд II Август выполнил свое обещание и щедро пожаловал Курбскому на содержание город Ковель с богатыми ковельскими землями на Волыни, а также обширные поместья в Литве взамен утраченных им на родине ярославских земель. Позднее, 25 февраля 1567 г., Ковель и ковельские земли были утверждены за Курбским и его мужским потомством на ленном праве навечно в награду за доблестную службу Курбского в рядах польской армии, воевавшей с войсками Ивана IV (см.: *Устрялов Н.* Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. XVI—XVII). Так сбылась «надежда» Курбского на богатое пожалование его новым своим «государем».

[34] Стр. 18. *И слышах от священных писаний, хотяща от диавола пущена быти... богоборнаго Антихриста...* — Антихрист в буквальном переводе с греческого означает противник Христа. По библейским сказаниям, Антихрист должен явиться непосредственно перед Вторым пришествием Христа и Страшным судом; он будет бороться с истинным Христом и уничтожать христиан, но затем погибнет страшной смертью от Бога. С особенной полнотой появление чувственного Антихриста описано в Апокалипсисе апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

[35] *...видѣх же нынѣ синглита, вѣсм вѣдома... аки соглагольник дѣлом Антихристу...* — Упомянув в данном пассаже некоего «синглита», то есть царского боярина, или советника, который подобно Антихристу рожден «от преблужения» и который через свои нашептывания ложного характера в царские уши пролил много христианской крови и погубил «силных во Израили», Курбский, очевидно, вновь напоминает царю, что приход Антихриста и Страшный суд уже близки. Согласно библейским представлениям, в «последние времена» явится много антихристов, то есть людей, отрицающих истинного Бога, которые подобны самому Антихристу (см. 1 Ин. 2, 18). «Синглит», названный Курбским в данном пассаже, — это один из предшественников библейского Антихриста, который по своим делам подобен ему. Курбский не называет конкретного имени этого «синглита», так как он «вѣсм вѣдом» в России. В свое время Н. Г. Устрялов предположил, что под анонимным «синглитом», кажется, имеется в виду «царский любимец того времени» Ф. А. Басманов, который «славился мужеством полководца, но был ненавистен народу как злейший опричник» (*Устрялов Н.* Сказания князя Курбского. С. 340). Более правдоподобно мнение Р. Г. Скрынникова, согласно которому под незаконнорожденным вельможей подразумевается известный боярин А. Д. Басманов, один из инициаторов и руководителей будущей царской опричнины (см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 178). В пользу мнения Р. Г. Скрынникова можно дополнительно заметить, что сам Курбский позднее в своей «Истории» писал про боярина А. Д. Басманова, что тот был «преславным похлѣбником» или «маньяком» и «губителем» царя и всей «Святорусской земли». По словам Курбского, боярин А. Д. Басманов был зарезан впоследствии своим сыном Федором, и в этой связи Курбский с сарказмом подчеркивает: «Что братьям готовал, то вскоре и самъ вкусил!» (см. наст. изд.). Думается, что эти слова Курбского хорошо увязываются с той характеристикой «синглита», губящего «силных во Израили», которая дана в комментируемом пассаже, и подтверждают вероятность предположения Р. Г. Скрынникова.

[36] *...не пригоже таким потакати...* — В списке Рукописного отдела библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, № 461/929 этот пассаж читается как «не пригоже таких почитати». В других списках второго вида первой группы Послания Курбского первой редакции, куда входят списки *ОИДР*, № 197 и Рукописного отдела Библиотеки *МГАМИД*, № 461/929, содержится чтение «не пригоже таким почитати». Особое чтение дает лишь список из собрания А. И. Хлудова, № 246, где этот пассаж выглядит так: «не пригоже у тебе быти таковым потаковщиком», но это чтение, вероятно, правлено по какому-нибудь списку Послания второй группы типа списка собрания Рукописного отдела Библиотеки *МГАМИД*, № 352/801 (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 355. Л. 8 об., разночт. п-п). В публикуемом списке из-за обрыва бумаги сохранилось лишь «не п...такати». Последнее чтение можно предположительно восстановить по смыслу как «не пригоже таким потакати», а это чтение характерно для текста списков Послания Курбского второй редакции (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 11).

[37] *В законе Господни первом писано: «Моавитин, и аманитин, и выблядок до десяти родов во церковь Божию не входит»...* — Ср. Вт. 23, 1—3. «Моавитин» и «аммонитин» — это жители Моава и Аммона, древнейших государств Ближнего Востока II—I тысячелетий до н. э., расположенных в районе Мертвого моря. Родоначальником моавитян и государства Моав был сын библейского Лота Моав, родившийся от кровосмесительной связи Лота со своей старшей дочерью. Родоначальником аммонитян и государства Аммон был другой сын библейского Лота Бен-Амми, родившийся от кровосмесительной связи Лота со своей младшей дочерью. Комментируемый пассаж был вставлен в текст Послания Курбского, очевидно, с целью подкрепить справедливость высказывания князя Андрея о том, что «не пригоже» Ивану IV «потакать» делам незаконорожденного вельможи, каковым он мог считать «синглита» А. Д. Басманова (см.: *Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 178*, а также коммент. выше). Американский ученый Э. Кинан отметил, что текст вышеприведенного пассажа Послания Курбского имеет «поразительное сходство» с Посланием князя С. И. Шаховского к царю Михаилу Федоровичу, написанным в связи с предполагавшимся замужеством его дочери царевны Ирины (см.: *Kritika. Cambridge, Mass., 1973. Vol. 10. № 1. P. 21*). По известному мнению Э. Кинана, князь С. И. Шаховской — это наиболее вероятный автор Первого послания Курбского царю Ивану Грозному (см.: *Keenan E. L. 1) Kurbskii—Groznyi Aposcypna. P. 31—45, 73—76; 2) Kritika. Cambridge, Mass., 1973. Vol. 10. № 1. P. 21*). Публикуемый список Послания Курбского, датируемый концом XVI в., полностью снимает проблему предполагаемого Э. Кинаном авторства князя С. И. Шаховского своей древностью, ибо в конце XVI в. князь Семен был слишком мал, чтобы быть писателем.